

Татьяна
Веденская

Татьяна
Веденская

СТОП! ЭТО МУЖСКОЙ МИР,
ПОДРУГА!

—

роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено
при содействии литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Stop! Это мужской мир, подруга! : роман / Татьяна Веденская. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Позитивная проза
Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-83289-7

Ника не желала иметь такой семьи, какая была у родителей. Да и вообще семье иметь не хотела, сколько женихов папа ни сватал. И мужчины в ней вызывали скорее досаду, чем интерес. В каждом она видела черты отца, человека грубого, авторитарного. Была бы ее воля, отменила бы институт брака, разрушающий женскую независимость. «Это мужской мир, подруга! И зависимость рано или поздно тебя коснется!» – могли бы сказать ей эмансипе со стажем. Ведь даже нечаянная любовь отменяет свободу!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83289-7

© Саенко Т., 2015
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2015

*Отдельная благодарность адвокату
Карпову Андрею Михайловичу
за помощь в подготовке книги*

ГЛАВА 1

Мужчины, чтоб их!

Не любите ли вы свою работу так, как не люблю ее я? Я сижу в своем рабочем кресле, уставившись в экран монитора, и иногда потираю уставшие глаза подушечками пальцев. Верю, очень верю, что на свете есть люди, которые нашли свое призвание, дело жизни и прочая, прочая, но я лично работаю только из-за денег. Мне нужно на что-то жить, и, к сожалению, в нашем сумасшедшем мире я не смогла пока найти ничего лучше, чем этот серый стол в метр длиной, кресло с шатающимися подлокотниками и пыльный монитор. А еще наушники, такие большие и плотные, что даже зимой мне в них бывает жарко, потеют уши. Я занимаюсь этим, потому что у меня не было выбора. Не было каких-то иных опций, как говорят у нас в офисе. Я — одна из многих, офисный планктон. Меня зовут Ника Хрусталева, но широкую известность я приобрела как «оператор № 32185». Я отвечаю на звонки потребителей сотовой связи. Да-да, это именно я объясняю, как установить настройки WAP и как включается WiFi. Я отвечаю на тысячи вопросов в неделю, иногда вопросы простые, иногда сложные. Тогда я зову старшего консультанта.

Иногда вопросы глупые, иногда приходится включать воображение. Только час назад один весьма раздраженный мужчина спросил меня (буквально):

— Ну и как эта хрень работает, а?

— Какая хрень? — попыталась аккуратно выяснить я.

Мужчина пояснил:

— Ну, вот эта!

— Я же не вижу вашу штуковину, — добавила я осторожно, стараясь сохранять положенный уставом и корпоративными требованиями тон. Как оператор сотовой сети, я обязана ласково, с улыбкой, с благожелательностью выяснять, что именно за хрень у вас в руках, почему она не работает и как сделать так, чтобы она работала.

— А вы бы хотели ее увидеть? — последовал немедленный ответ и невнятное хихиканье.

— Увидеть что? — опешила я.

Мужчина окончательно расхохотался и сдавленно прохрипел:

— Мою штуковину!

И так всегда. Нам звонят, чтобы просто поговорить, звонят, чтобы познакомиться. Трезвонят в три часа ночи, чтобы просто поболтать о жизни (что, кстати, строжайше запрещено инструкцией). Любой звонок может быть идиотским, любой звонок может также оказаться проверочным. Поэтому, как бы ни была нелепа, оскорбительна, невразумительна, беспредметна и груба речь звонящего абонента, мы обязаны держаться ровно и по-деловому. Иногда это трудно. Но за это все-таки дают неплохие

деньги. Зарплата позволяла мне вот уже почти год существовать в этом городе, жить самой по себе, своей собственной жизнью. Это было лучше всего!

И потом, я прекрасно понимала, что оператор сетевой связи — только начало. Мне почти двадцать три года, я в начале карьеры. Я упорна, настойчива, целеустремленна и, конечно, не буду вечно сидеть в этой дурацкой компании, иногда почти теряя рассудок от нелепости происходящего. Конечно, я буду двигаться вперед, как только увижу, что именно делать и как. А пока... поработаю.

Я хочу от жизни только одного: стоять на своих собственных ногах. Я больше не хочу ни от кого зависеть, никогда. Да, я все понимаю, деньги не приносят счастья, бла-бла-бла. Я не хочу счастья, я хочу свободы. А свободу вполне можно купить за деньги. Только деньги должны быть большие — это раз. И они должны быть именно твои — это два. Не мужа, не папы, не какого-то еще мужика, а твои личные деньги. Они дают право послать все к чертовой бабушке, развернуться и уйти в неизвестном направлении, и не рыдать после этого посреди улицы, не зная, как жить дальше.

— Никеш, ты на обед пойдешь? — спросила меня соседка по каторге, снимая наушники и разминая затекшую спину. Я тоже потянулась в кресле. Звонков было вроде немного. По графику я должна была идти обедать через десять минут.

— Надо управляющего позвать, — сказала я и нажала кнопку. Через пару минут подошел руководитель смены

Мерзляев, великий, потому что как-то очень выдавался и ввысь, и вширь, и ужасный, потому что... был ужасно мерзок, неопрятен и презирал женщин в целом и сотрудниц фирмы в частности. За все эти «достоинства» его за глаза звали «Мудвин», и он, кажется, знал об этом и страшно бесился.

— Чего надо? Опять с работы бежите, как тараканши? — скривился он, вглядываясь в график на нашей стене. — Хрусталева, ты только через десять минут идешь.

— Я бы с Машей пошла! За компанию.

— Вдвоем вы будете обедать в два раза дольше, — фыркнул он. И добавил, ослабившись: — Сначала одна будет трещать, а другая трескаться, а потом наоборот — одна трескаться, другая трещать.

— Мы уложимся, мы быстро, — пробормотала Машка, хмурясь. Я знала, как она мечтает плюнуть Мудвину в рот. Хоть раз. Обещала, что, если соберется уволняться, обязательно это сделает. Обязательно плюнет, и не только ему. Но, насколько мне известно, Маша работает в нашей конторе вот уже пять лет. Что ни говори, а стабильность притягивает к рабочему месту круче кандалов.

— Нет уж. Знаю я ваши «уложимся». Только по графику! — Он кричал на нас и, кажется, брызгал слюной. Из рта неприятно пахло.

— Да пожалуйста! — рявкнула Маша и с грохотом ша-рахнула стулом об стол. Я осталась и все эти пресловутые десять минут лазила в Интернете. Принципиально. Если этому жирному женоненавистнику жалко дать людям десять минут нормальной жизни, я буду отвечать адекватно.

Правда, вряд ли мой браузинг мог хоть как-то повредить Мудвину. И хотя я за эти десять минут не приняла ни одного звонка, день был все-таки подпорчен, и работать не хотелось. Но звонки сменяли друг друга, голоса в моей голове иногда начинали звучать даже сами по себе. После обеда желание трудиться окончательно пропало, хотя должно быть, казалось бы, наоборот. Поел, сил набрался и снова в бой! Впрочем, кого я обманываю. Я же не ем ни черта. Сегодняшний мой обед состоял из шоколадки «Вдохновение», но оно почему-то не пришло ко мне после нее. Наверное, потому, что шоколадка на вкус оказалась соевой и какой-то не совсем шоколадной. Работать было тяжело.

— Алло, алло! — закричала прямо мне в ухо предположительно пожилая женщина, заставив подпрыгнуть на стуле.

— Добрый день, оператор № 32185, Вероника, слушаю вас, — привычно оттарабанила я, переведа дух.

— Что? — удивилась женщина, в голосе отчетливо звучала растерянность. Эти «звонители» были еще хуже, чем грубые раздраженные мужчины. Бабули отнимали много, много времени. И ничего не хотели понимать. Я повторила:

— Добрый день, оператор № 32185, Вероника, слушаю вас.

— Ага. Комплект. Гарнитур. Он не подходит мне! Не налезает! — радостно сообщила дама, озадачив меня до крайности. Какой, интересно, комплект на нее не налезает? Нижнего белья? И тут я представила, что она, седовла-

сая, полноватая дама лет шестидесяти, стоит перед зеркалом, скажем, в примерочной «Victoria's Secret», натягивает на себя тонкое, невидимое практически белье и решает вдруг (почему бы это?) посоветоваться со мной. Может, ей просто больше не с кем посоветоваться? Может, даже продавцы ушли куда-нибудь... на обед. Не всех же клерков лишают обеда, как нас. Ну, и она набрала справочный номер в своем телефоне. Короткий и удобный.

— Не подходит? Возьмите другой гарнитур, — пожалала плечами я.

— Что вы! — возмутилась дама. — Мне его сын дал. Я не могу другой. У меня и денег нет.

— А... — тут я затруднилась. Вряд ли речь все-таки идет о белье. Сын дал? Мою голову посетила другая идея, более масштабная. Гарнитуром могла оказаться мебель. А что, мебельный гарнитур, сын дал. Хороший сын. Только при чем тут я?

— Он шипит! — добавила дама, окончательно поставив меня в тупик.

— Ваш гарнитур шипит? — искренне удивилась я, а в ответ выслушала пространный рассказ, что гарнитур, наверное, из Китая, вот и шипит. И что вообще пора уже и меру знать, такие гарнитуры людям совать. Я в шоке таращилась вокруг себя и вдруг заметила, как Машка ржет, глядя на меня с соседнего кресла. Я жестами дала ей понять, что разговариваю с лицом, имеющим психические отклонения, а она (продолжая хохотать) написала что-то на желтом стикере и сунула мне.

— Что? — Я взяла бумажку. На ней было написано: «Гарнитура!» И последнее «А» было жирно обведено. Да, ситуация разъяснилась.

— Вы имеете в виду гарнитуру?

— Нет! — категорически возразила дама. — Гарнитур. Он не... как это?... не контится с вашим дурацким телефоном, — презрительно добавила она.

— Не коннектится?

— Все равно! — Она вздохнула и начала немного успокаиваться.

Что тут сказать? Современный русский язык — большое испытание для многих. У всех свои представления о правилах нового русского языка. Как правильно писать по-русски: гаджет или гаждит? Покажите мне тот словарь, где это будет разъяснено. И в представлении моей «звонительницы» в русском языке такого слова, как «гарнитура», просто не существовало. Что ж, всем нам случается ошибаться. Я разобралась с ее Blue Tooth гарнитурой (на этом слове она вообще замолчала и стала шумно сопеть), кое-как объяснила ей, что он сам собой с телефоном не соединится. Что надо и в телефоне кое-куда нажать. Минут десять мы выясняли, какой марки у нее телефон, ползали по меню, и когда она наконец меня отпустила, я уронила голову на стол и сделала вид, что стучу лбом по столешнице.

— Что, достали?

— Гарнитур! Не налезает! — простонала я.

— Бывает, — хмыкнула Машка и добавила, что у нее

вчера спросили, есть ли у нас *интернет*-магазин, а после того как она продикувала виртуальный адрес, уточнили, на каком же это будет метро.

— Словно с другой планеты! — хихикнула я, но тут в моей трубке снова раздался характерный гудок. До самого конца рабочего дня я чирикала, как настоящий соловей, и когда совсем уже было собралась пойти домой, меня вдруг неожиданно вызвал к себе в кабинет Мудвин.

— А зачем? — ляпнула я, услышав в трубке это странное «зайди ко мне». Мы к ним, к небожителям, не заходили в кабинеты. Мы вообще не были туда особо допущены. В калашный-то ряд! Вы что?! Осквернить дирекцию! Так что мой вопрос был вполне уместен по содержанию, хоть и не совсем — по форме.

— Зайди немедленно! — рявкнул Мудвин, как водит-ся, обращаясь ко мне на «ты», хотя мы с ним на брудершафт не выпивали. Что поделаешь — хамская натура. Чего еще от него можно ожидать, от животного? Оказалось, что многого.

— Хрусталева? Это ты? — спросил он, глядя на меня со своего большого и удобного (без шатающихся подлокотников) кресла.

— Ну... давайте прикинем вместе, — начала было я, но тут же прикусила язычок. Мудвин хмурился и смотрел на меня недобро, шутки не оценил.

— Что же это делается! — сощурился он. — Ты что же, забыла о правилах поведения при проведении телефонных переговоров с клиентами?

— Я? — ахнула я и немного занервничала. При таком количестве разговоров в день всего, конечно, не упомянешь и вообще со всеми этими правилами свихнешься. Но вроде бы я ничего такого не нарушала.

— Теперь ты что, оглохла? Ни мозгов, ни слуха? — рявкнул Мудвин и встал или, правильнее сказать, возвысился над столом. Положение наше сразу стало неравным. Я сидела на низком хлипком стульчике и смотрела на Мудвина снизу вверх. Телосложение мое было таково, что три меня могли спокойно влезть в одного Мерзляева. Он был, как я уже сказала, мужчина весомых достоинств, кушал с аппетитом, вел сидячий образ жизни (и, наверное, даже лежачий, так как в кабинете у него имелся диванчик и телевизор). А я шаталась на ветру, даже замотанная в большой вязаный свитер, без которого в нашем переохлажденном кондиционерами офисе я постоянно мерзла даже летом. Правда, росту я была приличного, но, когда сидишь на стуле, это не слишком заметно. В общем, я смотрела на него, а он уперся руками в стол и продолжал на меня орать.

— Думаешь, я на тебя управу не найду? Думаешь, можно хамить клиентам?

— Что? — вытаращилась на него я и побледнела. Хамство у нас в офисе было под строжайшим запретом. Хамство у нас являлось чуть ли не немедленным поводом к увольнению. Мы были хоть и офисный планктон, но также и лицо фирмы. С нас люди начинают формировать представление о корпорации. И если это представление будет

негативным, то к чему все вложенные в рекламу миллионы, к чему улыбающиеся картинки на каждом перекрестке. Такими или примерно такими лозунгами нас пичкали без меры на каждой летучке, заодно поясняя, что никакое поведение клиента не может оправдать даже раздраженного тона. Короче, наши операторы, даже если клиенты посылали их матом или допускали высказывания любой степени неприличия, оставались любезны и милы.

— А то! — хрюкнул Мудвин. — Хамила. Матом.

— Нет, я не хамила. Матом тем более, — мотала головой я.

— А ты все всегда помнишь, Хрусталева, да? Что у нас, все ходы записаны? — язвительно бросил Мерзляев, ослабившись.

— Ходы?

— Разговоры. Все разговоры записываются. И прослушиваются.

— Ну, хорошо. И что же там? Я никогда не хамила по телефону, — продолжила я отстаивать себя.

— А я говорю — хамила. Я говорю, что ты на три буквы послала клиента, потому что тот, видите ли, тебе не понравился.

— Да не было такого! — Я вскочила со своего почти детского стульчика и тоже уперлась кулаками в стол, при этом возвысившись чуть ли не на целую голову над Мудвином. Такое уж у меня было телосложение, такая конституция. Длинная жердь на двух ногах, скрюченная и завернутая в свитер. Мой папочка любил называть меня ласко-

во «мечта бультерьера». В смысле, я, по его мнению, была именно тем, на что положено бросаться собакам, — то есть костями.

— А я говорю, что хамила. У меня и запись есть, — сощурился он. И как-то очень нехорошо улыбнулся.

— Запись? Дайте послушать!

— Еще чего. Ты уже все послушала, когда по телефону говорила. И вообще, я считаю, что ты систематически грубишь клиентам.

— Ничего я не грублю.

— У тебя тон грубый. Нам не нужны тут дилетанты! — брызгал он слюной.

У меня создалось впечатление, что он вообще просто кривляется. Что происходит?

— Послушайте, э... — Я вдруг поняла, что не помню, как его зовут. За весь этот год я так редко с ним общалась, сознательно избегая всяческого контакта, что не имела никакой необходимости запоминать его имя и тем более отчество. Не называть же его в разговоре «Мудвин». Чревато.

— Что? Ну что еще ты можешь сказать в свое оправдание?

— Я не понимаю. Все же было нормально.

— Я за тобой следил. Слежу, — поправился он. — Внимательнейшим образом. Ты не соответствуешь.

— Да почему? — чуть не расплакалась я. Такой наезд не предвещал ничего хорошего. Я решительно не понимала, с чего все началось, но Мудвин явно пытался меня уволить. Только этого мне и не хватало. Не так-то просто най-